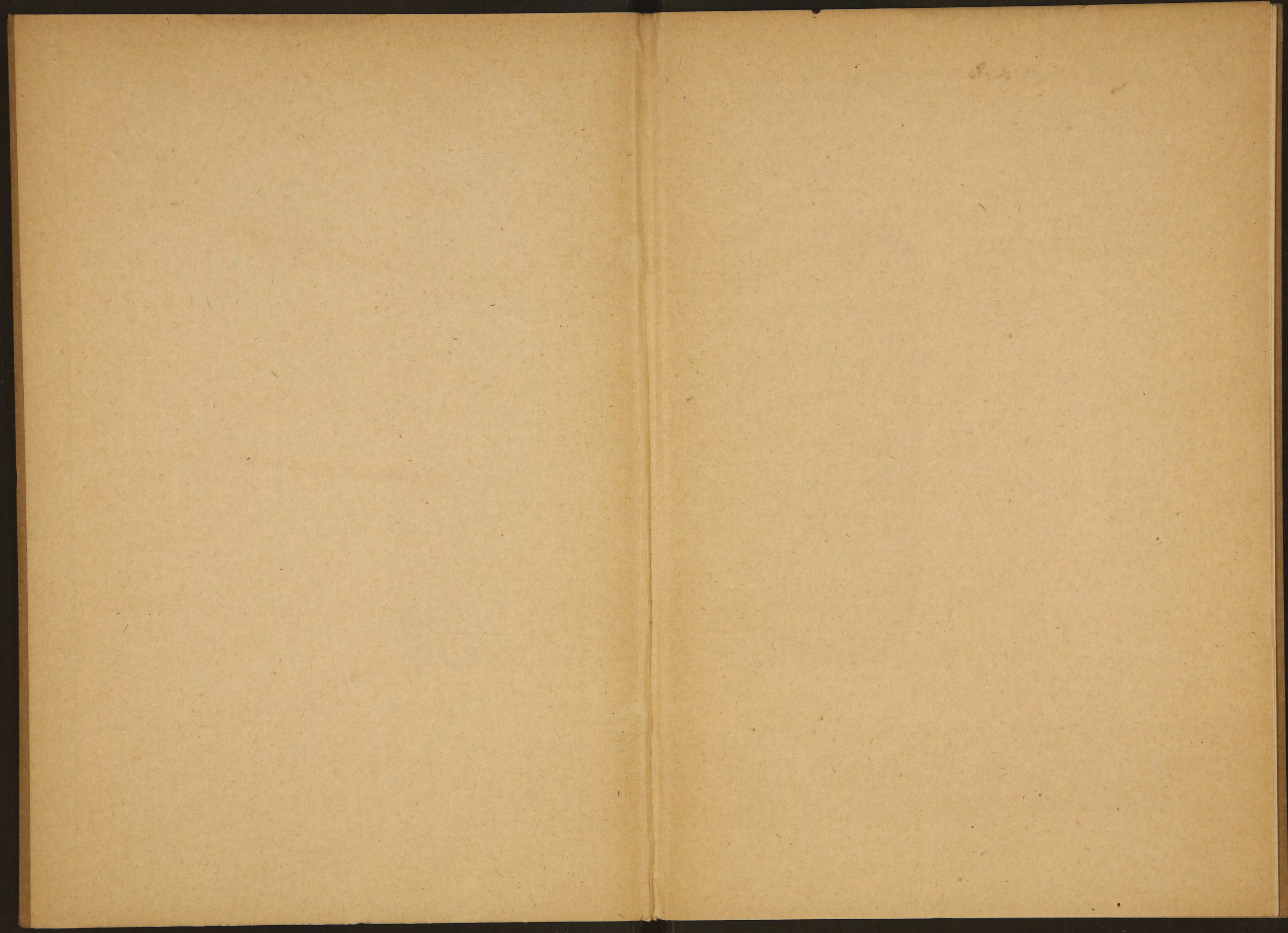

22130

2

Faint, illegible handwriting at the top of the page.

Faint, illegible handwriting below the top line.

Faint, illegible handwriting at the bottom of the page.

22130

Русск. Земл. Общ.

1903, I

K

75335

И. Курвиг.

Возможно ли и желательно ли сохранение общины? ¹⁾

Труды Особого Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности снова пробудили заглохшій было въ обществѣ интересъ къ крестьянской общинѣ. Народническая идеализація общины, господствовавшая въ 70-хъ гг., была расшатана земско-статистическими изслѣдованіями, произведенными въ 80-хъ гг. Критики народничества въ 90-хъ гг. на основаніи этихъ изслѣдованій показали, что подъ покровомъ общины совершается процессъ разслоенія деревни на классы съ различными и отчасти противоположными хозяйственными интересами; дальнѣйшее развитіе этого процесса, по ихъ мнѣнію, должно съ теченіемъ времени привести къ полному разложенію общины.

Сторонники общины ни самыхъ фактовъ, ни вытекающихъ изъ нихъ выводовъ не оспаривали, а лишь выражали надежду, что разложеніе общины можно было бы остановить путемъ государственнаго вмѣшательства. Незадолго до учрежденія Совѣщанія вышло въ свѣтъ сочиненіе, авторъ котораго дѣлаетъ попытку показать, что, несмотря на явленія кажущагося разложенія, крестьянская земельная община обнаруживаетъ признаки необычайной живучести.

Труды своихъ предшественниковъ, несмотря на расточаемыя имъ похвалы, новый авторъ цѣнить весьма невысоко. Г-нъ В. В., признанный глава народнической школы, въ своемъ сочиненіи объ общинѣ, по отзыву автора, „только затрогиваетъ на отдѣльныхъ фактахъ вопросы объ условіяхъ и слѣдствіяхъ общины, но не изслѣдуетъ ихъ прямо и статистически“ (стр. 21). „Основной недостатокъ изслѣдованія г. В. В.—это преобладаніе въ немъ статической точки зрѣнія надъ динамической. Это проявилось не только въ томъ, что г. В. В. не занялся спеціально изслѣдованіемъ законовъ общиннаго землевладѣнія, но и въ томъ, что онъ описываетъ и опредѣляетъ его разновидности больше какъ *типы*, чѣмъ какъ *фазисы*“ (стр. 59—61). Работа г. А. А. Кауфмана „не имѣетъ статистическаго характера“, книжка г. А. Корелина „ни для чего не можетъ служить“ (стр. 22—23).

¹⁾ К. Р. Качоровскій.—Русская община. Возможно ли, желательно ли ея сохраненіе и развитіе? (Опытъ цифрового и фактическаго изслѣдованія).

Такъ какъ критики народничества имѣли предъ собою лишь труды предшественниковъ г. Качоровскаго, то и однихъ указанныхъ имъ же „дефектовъ“ въ этихъ трудахъ было бы вполне достаточно, чтобы поколебать научный авторитетъ народническаго воззрѣнія на общину. Но сочиненіе г. Качоровскаго, по собственному его мнѣнію, должно послужить къ укрѣпленію пошатнувшихся устоевъ народничества.

Это сочиненіе было призѣтствовано народническою печатью, какъ послѣднее слово по вопросу объ общинѣ; московскій университетъ удостоилъ его почетной преміей; авторъ сразу завоевалъ себѣ среди своихъ единомышленниковъ репутацію извѣстнаго изслѣдователя общины.

Въ виду такого приѣма сочиненіе г. Качоровскаго заслуживаетъ вниманія, какъ самая новѣйшая формулировка воззрѣній народничества на общину.

Къ сожалѣнію, пользованіе книгой г. Качоровскаго сильно затрудняется неумѣніемъ его сжато и систематически излагать свои мысли; вы попадаете въ безконечный лабиринтъ повтореній и отступленій описательнаго характера, беспорядочно перепутанныхъ съ заключительными положеніями.

Минуемъ разсужденія о происхожденіи общины съ передѣлами, имѣющія лишь отдаленное отношеніе къ вопросу о грядущей судьбѣ общины въ Европейской Россіи. Представляетъ ли современная община остатокъ первобытнаго коммунизма, какъ полагаетъ г. Качоровскій вслѣдъ за многими изслѣдователями исторіи крестьянства, есть ли она лишь порожденіе круговой поруки,—такъ или иначе, она существуетъ; умозаключить дедуктивнымъ путемъ о неизбежности ея распадѣнія съ устраненіемъ породившей ее причины было бы совершенно произвольно. Вопросъ этотъ интересенъ для историка, но тотъ или иной отвѣтъ на него не предрѣшитъ вопроса о жизнеспособности современной намъ общины. Этому послѣднему вопросу въ книгѣ Качоровскаго посвящено 177 страницъ (главы V—VII).

Авторъ раздѣляетъ всѣ общины на двѣ основныя категоріи: такія, гдѣ арендная цѣна надѣла ниже платежей, и такія, гдѣ арендная доходность превышаетъ платежную. Въ общинахъ первой категоріи между общинниками распределяется, собственно говоря, не земля, а податное бремя. Эту форму владѣнія авторъ обозначаетъ названіемъ „передѣльно-податной“. Здѣсь дѣятельность міра въ распределеніи земли наиболѣе интенсивна. „Община не можетъ не слѣдить постоянно и неукоснительно, чтобы надѣлъ—разоритель все время былъ строго по силамъ каждой семьѣ... Такимъ образомъ, при надѣлѣ, не окупающемъ платежей,... передѣловъ не можетъ не быть и... они... должны быть... частыми“ (стр. 327—328). Тѣмъ не менѣе

авторъ находить, что въ обществахъ этой категоріи „еще нѣтъ, строго говоря, общины, какъ обычно-правового института“ (стр. 371). Противоположный взглядъ Орлова, г-на В. В. и ихъ послѣдователей, которые „разсматриваютъ такого рода организаціи, какъ совершенно равносильныя и равнозначныя съ общинно-уравнительными формами при нормальныхъ условіяхъ“, онъ считаетъ „поверхностнымъ“. „Этотъ взглядъ отправляется исключительно отъ *внѣшней формы* общинной функціи, безъ достаточнаго вниманія къ ея *причинамъ и слѣдствіямъ*“ (курсивъ г. Качоровскаго). Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, только глядѣть на то, какъ дѣйствуетъ передѣльный механизмъ при надѣлѣ— „разорителѣ“, любоваться той строжайшей и детальнѣйшей уравнительностью, которую онъ осуществляетъ въ перепряжкѣ податного „тягла“, когда мы знаемъ, что основная пружина, двигающая этотъ механизмъ, лежитъ внѣ его, въ разорительности надѣла, необходимо и постоянно вынуждающей эту перепряжку, чтобы тягло не „задавило“ слабыхъ хозяевъ и чтобы эти недоимщики не „задавили“ общей петлей круговой поруки и всю общину? Механизмъ этотъ можетъ быть великолѣпнымъ, но онъ все-таки останется именно только *механизмомъ* (курсивъ автора), онъ скорѣе автоматъ общины, а не живая община“ (стр. 370—371).

Такой порядокъ „господствуетъ“ въ большинствѣ общинъ — бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ „надѣлъ... очень часто былъ или и до сихъ поръ отягощенъ превосходящими его доходность платежами“... (стр. 290). Но порядокъ этотъ не составляетъ исключительной особенности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а наблюдается и у бывшихъ государственныхъ, „такъ что вліяніе прошлой традиціи и современныхъ условій, весьма различныхъ у этихъ группъ, не можетъ затемнить вліянія этого основного фактора—отношенія между платежами и доходностью“ (стр. 326).

Однако, превышеніе платежей надъ арендною доходностью надѣла лишь преходящее явленіе. Приростъ и сгущеніе населенія повышаютъ цѣны на землю, вслѣдствіе чего надѣлъ начинаетъ не только окупать платежи, но и давать чистый доходъ (стр. 345—346). Тутъ уже община, казалось бы, получаетъ „возможность выбора, самоопредѣленія. Но и въ этомъ самоопредѣленіи могущественныя условія способствуютъ росту личнаго права и заглушаютъ общинное“ (стр. 384). Одно изъ главнѣйшихъ условій—„крайнее сокращеніе размѣровъ землевладѣнія“, идущее рука объ руку съ приростомъ населенія; „крайнее малоземелье... сводитъ къ абсурду общинно-передѣльное право на трудъ“ (стр. 387).

Другую не менѣе важную помѣху процвѣтанію общины ставитъ выкупъ надѣловъ: домохозяинъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ платилъ выкупъ, превышавшій доходность надѣла, натурально про-

тивится попыткѣ отобрать у него дорого купленную землю въ тотъ самый моментъ, когда она, наконецъ, начинаетъ окупаться (стр. 352).

„Наиболѣе обыкновенный и характерный видъ превращенія общинно-выкупного владѣнія въ безпередѣльное, семейно-выкупное, представляетъ тотъ случай, когда съ вздорожаніемъ земли прекращаются частныя свалки-навалки безъ замѣны ихъ какими бы то ни было другими уравнительными передѣлами, и такимъ путемъ та или иная разверстка общинно-выкупного фазиса прямо застываетъ въ наслѣдственно-безпередѣльное владѣніе“ (стр. 354).

„Такимъ образомъ... читатель совершенно ясно видитъ истинную суть, скрывающуюся подъ внѣшней общинной оболочкой общинно-выкупного владѣнія: „заможные“ хозяева, вытянувшіе выкупное тягло, выкупить надѣлы выкупили, но только для себя, а не для общины“ (стр. 355—курсивъ въ подлинникѣ).

Остановимся нѣсколько подробнѣе на тѣхъ формахъ правовыхъ отношеній, которыя отмѣчены земской статистикой подъ общинной оболочкой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „земля умершаго переходитъ ближайшему родственнику... Вдовы, хотя и безъ дѣтей мужского пола, и сироты владѣютъ душевымъ надѣломъ умершаго хозяина и „міръ не имѣетъ права отбирать землю...“ При большихъ промежуткахъ между передѣлами легко устанавливается нѣкоторый порядокъ наслѣдованія и даже развивается завѣщательное право,... развивается свобода личнаго распоряженія надѣлами въ видѣ ихъ купли-продажи... Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ продажей земли за деньги, причемъ цѣны очень разнообразны, начиная съ 25 руб. за надѣлъ и кончая 100 руб. за десятину. Высота послѣдней цѣны показываетъ, что покупатель въполнѣ увѣренъ, что не рискуетъ, затрачивая такую значительную сумму... Въ нѣкоторыхъ общинахъ никакихъ свалокъ-навалокъ не бываетъ, а *кто нуждается въ землѣ, тотъ долженъ купить ее* (курсивъ автора) у менѣе нуждающагося... Самая мысль объ уравнительномъ передѣлѣ никому и не приходитъ въ голову, или крестьяне даже положительно и сознательно заявляютъ, что передѣловъ у нихъ больше не будетъ и даже постановляютъ о томъ приговоры“. Бываютъ случаи передѣла земли „навѣчно“ (стр. 402—405).

Авторъ приводитъ примѣры безпередѣльныхъ общинъ, гдѣ „фигура надѣла и расположеніе усадебъ“ позволили раздѣлить землю такъ, что „каждому двору отрѣзано все количество земли противъ усадьбы полосой; на этомъ кускѣ каждый домохозяинъ распоряжается по своему; общей толоки нѣтъ“ (стр. 423).

„Понятно,—говоритъ г. Качоровскій, что такіе глубоко индивидуалистическіе порядки нельзя уже считать какъ бы временнымъ попущеніемъ не собравшейся еще, такъ сказать, съ силой пореформенной помѣщичьей общины, а нужно признать проявленіемъ весьма

глубоко внедрившагося и уже болѣе или менѣе сознательно дѣйствующаго личнаго права“ (стр. 403—404).

Покойный В. И. Орловъ еще въ 1878 г. полагалъ, „что все это съ теченіемъ времени приведетъ къ окончательному установленію подворно-наслѣдственнаго владѣнія землею“ (стр. 386). А. Филимоновъ въ 1882 г. писалъ, что „окончаніе выкупной операціи будетъ началомъ возникновенія подворной земельной собственности“ (стр. 382).

Вспомнимъ, что тамъ, гдѣ къ выкупу приступлено немедленно послѣ реформы, отъ окончанія выкупной операціи насъ отдѣляетъ всего лишь одно десятилѣтіе.

„Такимъ образомъ, главный признакъ пореформеннаго землевладѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — тотъ, что индивидуализація его predeterminedъ уже самой его внѣшней установленной государствомъ формой“ (стр. 384). Съ распространеніемъ выкупной операціи и на бывшихъ государственныхъ, всякое различіе въ этомъ отношеніи сглажено законодательствомъ.

Земская статистика, понятно, не можетъ доставить объ этомъ никакихъ данныхъ, такъ какъ статистическія изслѣдованія произведены были либо до распространенія выкупной операціи на бывшихъ государственныхъ, либо совпали по времени съ введеніемъ новаго порядка. Но если справедливо мнѣніе черниговскаго статистика Филимонова, высказанное еще въ 1882 г., что „выкупная операція находится въ прямомъ противорѣчьи съ принципами общиннаго землевладѣнія и служитъ немалымъ тормозомъ къ производству коренныхъ передѣловъ“ (стр. 381), то тенденціи ея должны проявиться и среди государственныхъ крестьянъ.

Рядомъ съ этимъ чисто юридическимъ факторомъ дѣйствуетъ и другой — техническій. Малоземелье дѣлаетъ необходимымъ „болѣе интенсивныя системы земледѣлія, и особенно выдвигается значеніе удобреній и улучшеній обработки земли. Почти не требуетъ поясненія огромное вліяніе этого глубокаго фактора. Чѣмъ дольше и чѣмъ больше затрачивается труда, тѣмъ сильнѣе обыкновенно сопротивленіе передѣлу со стороны „добрыхъ пахарей“, тѣмъ яснѣе и настоятельнѣе зрѣетъ въ части изъ нихъ идеаль полнаго освобожденія отъ общинно-передѣльнаго владѣнія, висящаго надъ ними вѣчной угрозой лишенія „своихъ трудовъ“. Такая тенденція — явленіе всеобщее“ (стр. 387).

Авторъ приурочилъ это замѣчаніе къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, но трудно видѣть, что мѣшаетъ этому „глубокому фактору“ проявиться и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

На предыдущихъ страницахъ прослѣжено было разлагающее вліяніе на общину юридическихъ и техническихъ условій. Къ этому присоединяется еще и экономическій факторъ — имущественное нера-

венство членовъ общины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при передѣлахъ недоимщикамъ, „маломочнымъ“, „упалымъ“, „шалтаямъ“ (отсутствующимъ) земли либо вовсе не даютъ, либо отводятъ въ количествѣ, меньшемъ противъ хозяйственныхъ мужичковъ. „Фактически тотъ домохозяинъ владѣетъ большимъ количествомъ надѣловъ, кто имѣетъ больше рабочаго скота“. Мѣстами „земля отнимается у всѣхъ непахарей, т. е. не занимающихся земледѣліемъ, и распределена только между пахарями“. Здѣсь мы имѣемъ уже передъ собой „въ нѣкоторой степени разверстку по *капиталамъ*“ (стр. 287—289).

Г. Качоровскій видитъ въ этомъ порядкѣ признаніе общиннаго „права труда“ или „трудоваго начала“, пользуясь завоевавшимъ себѣ право гражданства терминомъ г-жи Ефименко. Но онъ оговаривается при этомъ, „что оно (это право труда), несомнѣнно, имѣетъ до извѣстной степени капиталистическій, такъ сказать, характеръ“ (стр. 388).

„Сила права труда обусловливается не только количествомъ, но и качествомъ этого труда. Трудъ „маломочнаго“, „худого пахаря“, обыкновенно однолошаднаго, а то и безлошаднаго, пашущаго наймомъ, — который какъ бы ни бился надъ своимъ надѣломъ, какъ бы ни „ковырялъ“ сохой землю, требующую, положимъ, плужной вспашки, и сколько бы „пота ни пролилъ“ на землѣ, не родящей безъ навоза, все равно только „изматаетъ“, „испустуетъ“, „испакоститъ“ свой надѣлъ,—этотъ трудъ со слабыми *средствами производства* (курсивъ г. Качоровскаго) всегда будетъ вѣсить въ глазахъ крестьянъ меньше, чѣмъ трудъ многолошаднаго, „заможнаго“, „добраго пахаря“, который „что добра то (навоза) ввалитъ въ свой надѣлъ“, „угоилъ“, „сподобилъ“ его. Насколько плугъ беретъ глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право;... въ правѣ труда выступаетъ за *человѣческой силой* затрата силы *лошадиной* и другихъ средствъ производства (курсивъ автора). И это трудовое *право*, доставляемое *лошадиной силой*, служитъ *рычагомъ, все рѣзче разлагающимъ общину* и застопоривающимъ уравнительно-передѣльный ея механизмъ“ (стр. 388—389).

„Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы читатель почувствовалъ всю силу и многочисленность (этихъ условій), чтобъ онъ понялъ, что въ результатѣ ихъ дружнаго натиска и при отсутствіи всякой помощи внутри или извнѣ, значительное число общинъ, гдѣ этотъ натискъ былъ особенно сконцентрированъ, *неизбѣжно должно было*, если не разрушиться сразу окончательно, то *придти къ постепенному упадку и разложенію*. Подъ дѣйствіемъ разлагающаго общинное начало фермента выкупного права,... съ самаго начала привитаго освобожденной общинѣ, въ соединеніи съ дѣйствующимъ въ томъ же направленіи личнымъ правомъ труда (особенно усиливающимся при интенсификаціи земледѣлія), на почвѣ остраго малоземелья и въ пропитанной индивидуализмомъ атмосферѣ, формально-общинное землевладѣніе бывшихъ

помѣщичьихъ крестьянъ... стало быстро перерождаться... въ ту переходную къ подворному владѣнію форму, которую я называю семейно-выкупнымъ или семейно-державческимъ владѣніемъ“ (стр. 390).

Процессъ общественной эволюціи совершается медленно и неодновременно по всей линіи. Во всякій данный моментъ вы встрѣтите множество переходныхъ формъ, представляющихъ всѣ градаціи развитія отъ самой низшей до самой высшей. И въ русской деревнѣ на-ряду съ общинами, въ которыхъ разложеніе уже окончательно завершилось, должна встрѣчаться масса общинъ, находящихся на разныхъ ступеняхъ разложенія; могутъ даже попадаться и очень крѣпкія общины. Борьба внутри общины между сторонниками и противниками уравнительныхъ передѣловъ можетъ въ данный моментъ закончиться побѣдою общиннаго начала; но было бы слишкомъ поспѣшно заключать изъ этого о незыблемости общины. Нынѣшній перевѣсъ одной партіи по вопросу о передѣлѣ еще ровно ничего не говоритъ объ исходѣ завтрашняго дня, если экономическія условія обезпечиваютъ ростъ оппозиціи. А что именно такъ и обстоитъ дѣло въ общинѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ г. Качоровскій, категорически заявляя:

„При крайнемъ многоземельѣ общинная функція еще ненужна; при крайнемъ малоземельѣ она уже невозможна (курсивъ его же)... Такимъ образомъ, при „натуральной“ эволюціи земельного обычно-крестьянскаго права въ Россіи, каждая община буквально, по мѣрѣ *возрастанія населенія*, сокращенія землевладѣнія и интенсификаціи земледѣлія, проходитъ періоды роста, зрѣлости и *одряхлѣнія*“ (стр. 42—см. также стр. 90—91).

„Десятки тысячъ передѣлившихся общинъ не пошатнутъ этого вывода, пока мужики будутъ играть свадьбы и справлять крестины“.

Но выводъ этотъ, съ неумолимой логикой вытекающей изъ всего, что сказалъ г. Качоровскій, ему несимпатиченъ. И вотъ для опроверженія самого себя онъ пускается въ тончайшую и запутанную казуистику.

„Мы можемъ принять,—говоритъ онъ—присутствіе передѣловъ за признакъ, исключаящій семейно-державческое владѣніе, только съ тѣми существенными поправками, что такого значенія не имѣютъ всѣ передѣлы общинно-выкупнаго фазиса, и что, съ другой стороны, передѣлы по ревизскимъ душамъ и „навѣчно“ служатъ скорѣе именно признаками начала семейно-державческаго владѣнія; а эти поправки мы должны еще корректировать контръ-поправками о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но пока точно неизвѣстно, въ какомъ именно % этихъ случаевъ,—все-таки изъ этихъ исключеній наблюдаются обратныя исключенія, т. е. или временное и быстро преходящее только появленіе семейно-державческаго владѣнія, или иногда прямо общинно-передѣльный порядокъ подъ внѣшней только, такъ сказать,

анти-общинной оболочкой“ (стр. 396). Этихъ „исключеній изъ исключеній“ — въ какомъ процентѣ случаевъ, „неизвѣстно“ — для автора достаточно, чтобы не отчаяваться за общину и „при полномъ «расцвѣтѣ» личнаго семейнаго права при семейно-участковой формѣ“.

„При семейно-участковомъ владѣніи — говоритъ онъ — часто даже общинно-передѣльный механизмъ не распадается совершенно, а *лишь* дѣйствіе его сводится къ минимуму (какъ по тому объекту, котораго оно касается, такъ и по рѣдкости его проявленій)“.

Община у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, признаетъ онъ далѣе, „представляетъ въ большей степени государственно-юридическій, чѣмъ обычно-правовой институтъ, хотя мы не имѣемъ права категорически утверждать, чтобы пореформенная помѣщичья община была, какъ обычно-правовая форма, совершенно мертворожденной, но несомнѣнно, что она могла представлять только развѣ слабый обычно-правовой зародышъ общиннаго начала въ прошломъ, и что внѣшнія пореформенныя условія были крайне неблагопріятны для его развитія. Пореформенное законодательство... не въ люльку, а въ гробъ уложило новорожденную помѣщичью общину. Мы и наблюдаемъ въ ней преимущественно либо симптомы медленнаго умиранія, либо лишь внѣшнія автоматическія функціи жизни и дѣятельности, вызванныя острымъ и *временнымъ* возбужденіемъ — давленіемъ надѣла — разорителя“ (стр. 429, см. также стр. 400).

Вы ожидаете, что съ прекращеніемъ „временнаго“ возбуждателя прекратится автоматическая жизнь, возникшая изъ слабаго зародыша „при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ для его развитія“? Ничуть не бывало: „въ довольно замѣтномъ меньшинствѣ случаевъ, — не переводя духа, продолжаетъ авторъ, — часть и помѣщичьихъ общинъ начинаетъ, повидимому, выходить изъ своего не то смертельнаго, не то летаргическаго оцѣпенѣнія, начинаетъ „самонатурно“ функционировать, такъ что пока еще рано огуломъ отпѣвать и хоронить и помѣщичью общину“ (стр. 429).

Прослѣдимъ по порядку, въ какихъ конкретныхъ явленіяхъ проявляется эта „самонатурная“ дѣятельность общины, которая питаетъ надежды автора. Онъ усматриваетъ тенденцію совершающагося экономическаго развитія „въ томъ, что сравнительно очень рѣдки такіе случаи, чтобы съ момента обращенія къ землѣ сначала началось общинно-передѣльное владѣніе и затѣмъ смѣнилось бы семейно-выкупнымъ и, наоборотъ, очень часто послѣ перваго періода семейно-выкупнаго владѣнія, непосредственно послѣ вздорожанія надѣла, начинаются затѣмъ по цѣлому ряду общинъ уравнивательныя (по потребителю или производительному принципу) передѣлы“ (стр. 365—366).

Въ переводѣ на простой языкъ это значитъ, что въ иныхъ общинахъ каждое домохозяйство долгое время владѣло участками,

полученными при первоначальномъ передѣлѣ, а затѣмъ послѣ продолжительнаго промежутка времени произведенъ былъ новый передѣлъ; въ другихъ же общинахъ произвели передѣлъ раньше, а съ тѣхъ поръ формальнаго отвода участка каждой семьѣ въ вѣчное владѣніе не послѣдовало. Развѣ же это что нибудь доказываетъ? Г. Качоровскій и самъ спѣшитъ оговориться, что толковать о *возвратѣ* отъ семейнаго владѣнія къ общинно-передѣльному тутъ не представляется повода: „часто вся эта смѣна общинно-выкупного индивидуалистическимъ и послѣдняго — общинно-передѣльнымъ порядкомъ можетъ быть въ значительной степени кажущейся: часто мы можемъ принять за индивидуалистическій тотъ періодъ равновѣсія между доходностью и платежами и развертки „по согласію“, который только по внѣшности можетъ представлять господство личнаго права, а по существу означаетъ *лишь* отсутствіе общиннаго права, представляетъ именно лишь паузу между общинно-выкупными передѣлами, вызываемыми борьбою противъ надѣла, и общинно-передѣльными, двигаемыми борьбой за землю“ (стр. 368).

Оказывается, такимъ образомъ, что аргументъ о переходѣ отъ семейнаго владѣнія къ общинно-передѣльному падаетъ самъ собою. Съ другой стороны, однако, трудно согласиться съ г. Качоровскимъ, который живописуетъ эту переходную паузу, какъ идиллическій моментъ въ жизни общины. Крайне неудачны его возраженія пермскому статистику г. Грауздину, который видитъ въ этомъ владѣніи «по согласію» зачатки личнаго землевладѣнія.

«При данной комбинаціи доходности надѣла и платежей интересы хозяевъ обезпечиваются сами собой, безъ всякихъ жертвъ со стороны меньшинства,.... благодаря полному само собой получившемуся удовлетворенію интересовъ всѣхъ хозяевъ.... Сама община, какъ обычно-правовой институтъ, въ данномъ случаѣ совершенно не причемъ.... никакой уравнительной дѣятельности она проявить не можетъ, потому что уравнительность, всѣхъ удовлетворяющая, уже установилась сама собой... Раньше часто передѣляли исключительно потому, что не могли не передѣлять, благодаря превышенію доходности платежами и отвѣтственности за послѣдніе круговой порукой, — передѣляла собственно не община, а круговая порука; теперь перестали передѣлять, потому что стало ненужно, т. е. нельзя передѣлять, такъ какъ наивыгоднѣйшее для общины распределеніе надѣла... получается безъ передѣла» (стр. 340).

Трогательная „идиллія“ всеобщаго согласія устанавливается, стало быть, безъ всякаго дѣятельнаго участія общины, т. е., иными словами, благодаря индивидуальной дѣятельности отдѣльных домохозяевъ. Что же это значитъ, если не то, что въ распределеніи земли, какъ выражается г. Грауздинъ, «коллективистическій элементъ замѣняется

индивидуалистическимъ»? Правда, здѣсь нѣтъ еще *формальной* замѣны общиннаго землевладѣнія личнымъ, но, вѣдь, рѣчь пока идетъ только о тенденціяхъ.

Этотъ періодъ развитія, можетъ быть, только «быстропереходящій», хотя, по признанію г. Качоровскаго, и по настоящій день, «черезъ 40 лѣтъ послѣ ревизіи и освобожденія процессъ пробужденія жизнеспособныхъ общинъ еще не завершился»; тѣмъ не менѣе, думаетъ онъ, «нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что онѣ такъ и не проснутся» (стр. 397).

Земско-статистическій матеріалъ устарѣлъ и никакихъ указаній по этому предмету не даетъ, говоритъ г. Качоровскій; то же самое относится къ изслѣдованію податныхъ инспекторовъ. На чемъ же основаны ожиданія, что нашъ Потокъ-Богатырь, который покоится мирнымъ сномъ вотъ уже два поколѣнія, снова проснется къ жизни? За отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, г. Качоровскій переноситъ вопросъ въ область народныхъ «воззрѣній»; итакъ, мы снова возвращаемся на четверть вѣка вспять, къ эпохѣ юношескихъ мечтаній народничества, предшествовавшей періоду земско-статистическихъ изслѣдованій. Авторъ одобрительно цитируетъ заключеніе г. Пѣшехонова о Козельскомъ уѣздѣ, что «хотя общинная жизнь проявляется довольно вяло, и вліяніе общины на распредѣленіе поземельной собственности съ каждымъ годомъ слабѣетъ, ... но, съ другой стороны, *воззрѣнія на землю, на которія опирается общинное землевладѣніе* въ значительной мѣрѣ сохранились еще въ массѣ крестьянства». — «Уже одни такіе факты — комментируетъ г. Качоровскій — нѣсколько иначе освѣщаютъ послѣвыкупной индивидуализаціонный періодъ, не позволяютъ считать эту индивидуализацію неизбежной и окончательной, заставляютъ задаваться вопросомъ: не есть ли она явленіе временное и преходящее, пока крестьяне еще не успѣли освоиться съ новыми условіями, и не обнаружится ли затѣмъ на всѣхъ или хотя въ части такихъ общинъ, новая общинная энергія?» (стр. 361).

Я предпочитаю обойти спорный вопросъ о томъ, опирается ли общинное землевладѣніе на воззрѣнія крестьянъ на землю, или, наоборотъ, не коренятся ли послѣднія въ фактѣ общиннаго землевладѣнія. Съ послѣдней точки зрѣнія, если слабѣетъ вліяніе общины на распредѣленіе поземельной собственности, то будутъ слабѣть и общинныя воззрѣнія на землю. Такъ или нѣтъ, одно безспорно: кто основываетъ прогнозъ объ общинѣ на сохраненіи общинныхъ воззрѣній, обязанъ *доказать*, что эти воззрѣнія еще живы. Г. Качоровскій приводитъ слѣдующія доказательства. *Во-первыхъ*, въ Калязинскомъ уѣздѣ (Тверской губ.), гдѣ „индивидуализація владѣнія съ момента вздорожанія земли проявилась особенно рѣзко“, въ то же время «встрѣчаются и такія общины, гдѣ крестьяне, напримѣръ, говорятъ:

«хочешь не хочешь, а придется дѣлить» (стр. 360). Сколько крестьянъ говоритъ, что «придется дѣлить», этого г. Качоровскій не сообщаетъ, мы знаемъ только, что въ *одной* деревнѣ Леоновой крестьяне говорили («сколько крестьянъ, неизвѣстно»): «разговора еще большого нѣтъ... но двѣ трети найдется, нехотя—а придется передѣль сдѣлать» (стр. 361).

Итакъ, по показанію свидѣтелей, *пока* «разговора еще большого нѣтъ», т. е. многіе еще по вопросу о передѣлѣ не высказались, но свидѣтели *предполагаютъ*, что «двѣ трети найдется»! Для обоснованія своихъ выводовъ авторъ считаетъ достаточнымъ «свидѣтельство по слуху» нѣсколькихъ мужиковъ одной деревни!

Во-вторыхъ, въ Козельскомъ уѣздѣ „ислѣдователи встрѣчали такіе отзывы, что «черезъ сколько бы ни было лѣтъ, а быть ей (землѣ) передѣленной» (стр. 406). Тутъ мы уже пускаемся въ область прорицаній.

Въ третьихъ, въ селѣ Ивановкѣ, Балашевскаго уѣзда „при выходѣ на волю земля была раздѣлена по ревизскимъ душамъ и съ тѣхъ поръ ни казенныхъ, ни частныхъ передѣловъ не было.... Желающихъ передѣла въ обществѣ немного,—всякій доволенъ теперь своимъ надѣломъ. Крестьяне такъ объясняютъ отсутствіе передѣловъ: «какъ же я платилъ выкупъ столько лѣтъ, теперь остается мало времени поплатить и земля сдѣлается *моею*; *если мы передѣлимъ* по наличнымъ душамъ, то *мои деньги пропадутъ*». Но въ то же время крестьяне *считаютъ общинное землевладѣніе безусловно лучше подворнаго* и говорятъ: „земля всегда остается у насъ въ общественномъ пользованіи“ (стр. 406, взято изъ сборника статист. свѣд. по Балашевскому уѣзду).

Земскій статистикъ, а за нимъ г. Качоровскій не замѣчаютъ тутъ никакого противорѣчія и заносятъ въ активъ общинному землевладѣнію (заимствую метафору г. Качоровскаго): крестьяне говорятъ, что земля у нихъ всегда *останется* (sic!) въ общественномъ пользованіи.

Приведенными тремя „показаніями свѣдущихъ людей“ исчерпываются буквально всѣ доказательства, что „возрѣнія на землю, на которыя опирается общинное землевладѣніе, еще сохранились въ массѣ крестьянства“. Зато самъ г. Качоровскій очень много и подробно говоритъ объ общераспространенномъ крестьянскомъ возрѣніи прямо противоположнаго характера, согласно которому земля однажды передѣлена по ревизскимъ душамъ, и нарушать этотъ порядокъ разверстки міръ не имѣетъ права. „Не найдется, кажется, ни одного уѣзда, гдѣ изслѣдованіе не отмѣтило бы фетишистскаго отношенія къ ревизской душѣ—обыкновенно въ значительномъ числѣ государственныхъ и всегда въ большинствѣ, а иногда положительно

во всѣхъ помѣщичьихъ общинахъ“ (стр. 376). При господствѣ ревизской души „устанавливается полный просторъ для личнаго распоряженія хозяевъ ихъ надѣлами, въ обширныхъ размѣрахъ развивается не только выкупъ ихъ въ собственность, но и сдачи ея въ аренду и даже продажи, завѣщанія и т. д.“... „Начинаютъ практиковаться“ даже формальныя „покупки въ вѣчное и потомственное владѣніе“ (стр. 360).

Здѣсь, какъ видимъ, теорія не расходится съ практикой, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ платоническаго предпочтенія общиннаго землевладѣнія.

Г. Качоровскій, по мнѣнію котораго община вырастаетъ изъ крестьянскаго правосознанія (стр. 216—220 и др.), склоненъ приписывать этотъ „фетишизмъ ревизской души“ со всѣми его послѣдствіями незнакомству крестьянъ съ закономъ, вслѣдствіе чего они „безъ критики“ истолковали выкупную операцію, какъ „покупку земли ревизскими душами“ (стр. 375—378). Это позволяетъ ему надѣяться, что „съ повышеніемъ общей культурности крестьянства, оно узнаетъ постепенно дѣйствительныя свои права на землю, а съ этого времени исчезнетъ фикція права „ревизской души“ и выкупа земли, какъ обязательной личной ея покупки“ (стр. 407). Но авторъ самъ же вынужденъ признать, что крестьяне, отстаивавшіе право ревизской души, „не были въ этомъ случаѣ правы только *въ букву*, но были правы по *существу* (курсивъ автора), они уловили именно самый духъ установленнаго у нихъ вида землевладѣнія“ (стр. 381).

„Духъ“—фигуральное выраженіе, способное ввести въ заблужденіе. Если смотрѣть на дѣло съ реальной точки зрѣнія, то суть тутъ въ томъ, что въ общинѣ возникъ антагонизмъ земельныхъ интересовъ; каждая сторона старается подыскать юридическое основаніе для своихъ притязаній; тѣ домохозяева, интересы которыхъ пострадали бы отъ передѣла, хватаются за „право ревизской души:“ „это несправедливо и незаконно—протестуютъ они—міръ не имѣетъ права передѣлять землю по своему произволу, надо напередъ спросить начальство, что оно скажетъ, или ждать новой ревизіи“ (стр. 383).

Такъ разсуждаютъ многонадѣльные хозяева съ небольшимъ наличнымъ составомъ семьи. Отношеніе между ревизскимъ и наличнымъ составомъ домохозяйства не служитъ показателемъ имущественной состоятельности, а потому можетъ случиться, что ядро партіи за передѣлъ составляютъ „заможные“ домохозяева, у которыхъ наличный рабочій составъ семьи превышаетъ его ревизскій составъ (стр. 369).

Судя, однако, по примѣрамъ, которые приводитъ г. Качоровскій, до сихъ поръ борьба за надѣль разрѣшалась въ пользу ревизскихъ владѣльцевъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такимъ рѣшеніемъ лишь сохранялся *status quo*, такъ и тамъ, гдѣ въ періодъ „свалки и

навалки“ душъ надѣлы, путемъ ряда частныхъ переверстокъ, успѣли перемѣнить владѣльцевъ“. „Сходъ или судъ (рѣчь идетъ о волостномъ судѣ) обыкновенно рѣшаетъ дѣло въ ихъ пользу (т. е. въ пользу ревизскихъ владѣльцевъ или ихъ наслѣдниковъ), постановляя отобрать землю отъ принявшаго и передать ее наслѣднику“ (стр. 356). Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ частными мнѣніями единичныхъ лицъ изъ крестьянства, а съ представителями организованнаго крестьянскаго общественнаго мнѣнія.

„Эта борьба за надѣлы между теперешними ихъ „державцами“ и прежними ревизскими ихъ владѣльцами... является уже и по сущности, и по мотивамъ *тяжкой* частныхъ лицъ изъ за земли, а не *общинно-передѣльной борьбой* за землю“ (стр. 357—курсивъ автора).

Итакъ, всѣ данныя г. Качоровскаго свидѣтельствуютъ объ упадкѣ и разложеніи общины. Онъ не привелъ ни одного состоятельнаго довода въ пользу противоположнаго предположенія. Но до тѣхъ поръ пока всѣ общины формально и окончательно не перешли къ подворному владѣнію, мы можемъ, по его мнѣнію, „только поставить условный діагнозъ: констатировать трудность, опасность ихъ положенія и предсказать, что если дѣло пойдетъ такъ же и дальше, какъ идетъ теперь, то такой исходъ дѣйствительно станетъ неизбежнымъ“ (стр. 410—411).

Да почему же, спрашивается, дѣло пойдетъ дальше не такъ, какъ оно идетъ теперь?

Изъ того, „что мы должны ожидать для настоящаго и ближайшаго будущаго... равномернаго распространенія“ общинно-передѣльнаго и семейнаго выкупнаго владѣнія, онъ хотѣлъ бы сдѣлать выводъ, что мы въ правѣ ожидать затѣмъ, „быть можетъ, даже и перевѣса общинно-передѣльной надъ семейно-выкупной формой“. Но онъ тутъ же признается, что для обнаруженія причинъ „такого неожиданнаго вывода“ — „въ статьяхъ земской статистики совсѣмъ не имѣется данныхъ“ (стр. 368). Въ концѣ концовъ авторъ и вовсе отказывается предрѣшать вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ общинно-выкупнаго землевладѣнія, ссылаясь на то, что процессъ его развитія еще не законченъ (стр. 430).

Изъ такого состоянія нерѣшительности автора вывело посѣщеніе Саратовской губерніи. „Еще полтора года тому назадъ — рассказывалъ онъ въ саратовскомъ обществѣ естествоиспытателей — я отвѣчалъ на вопросъ: сохранится ли община? — рѣшительнымъ „не знаю“, такъ какъ былъ почти по срединѣ между *да и нѣтъ*“. Нынче все измѣнилось: „теперь — говоритъ онъ — я уже гораздо ближе къ *да*, чѣмъ къ *нѣтъ* ¹⁾“.

¹⁾ Крестьянская община въ Саратовской губ. „Русское Богатство“, 1901 г. № 11, стр. 141.

Что же такое оказалось въ Саратовской губерніи? А оказалось то, что въ *теченіе сорока лѣтъ въ половинѣ* всего числа общинъ произведены были всеобщіе уравнильные передѣлы. Въ 28,1% утвердилось въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ наслѣдственно-безпередѣльное владѣніе, а въ остальныхъ удерживаются переходныя формы (тамъ же, стр. 122). Допустимъ, что въ теченіе послѣдующихъ сорока лѣтъ и въ этой половинѣ произведены будутъ передѣлы, — что же это доказываетъ? Авторъ, очевидно, упустилъ изъ вида, что возможности повторенія передѣловъ въ будущемъ никто не отрицаетъ, но критики народническихъ воззрѣній на общину видятъ центръ тяжести вопроса во внутреннемъ расслоеніи деревни на „хозяйственныхъ мужичковъ“ и крестьянскій пролетаріатъ, чего никакіе передѣлы общинной земли не остановятъ.

Но это еще не все. При болѣе подробномъ изслѣдованіи цифръ оказывается, что уравнильные передѣлы произведены въ 82% общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и лишь въ 28,3% бывшихъ помѣщичьихъ. Иными словами, почти три четверти бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ теченіе сорока лѣтъ послѣ освобожденія еще не приступили къ передѣлу! Разница между бывшими помѣщичьими и бывшими государственными объясняется вліяніемъ выкупа. Но, вѣдь, положеніе о выкупѣ съ 1887 года дѣйствуетъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ; если одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя послѣдствія, то не въ правѣ ли мы ожидать задержки передѣловъ въ будущемъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ? Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Качоровскимъ, мы узнаемъ, что съ 1880 по 1890 г. передѣлы произведены были въ 319 общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, т. е. въ половинѣ всего числа, а съ 1890 г. по 1900 г. всего лишь въ 90 общинахъ, т. е. въ 14,2%. Это значитъ, что передѣлы либо предшествовали введенію выкупа, либо совпали съ нимъ. Вліяніе послѣдняго еще, такимъ образомъ, не успѣло сказаться.

Мало того, оказывается, что передѣлы произошли въ наилучше надѣленныхъ общинахъ, въ малоземельныхъ же общинахъ обнаруживается равнодушіе къ уравнильнымъ передѣламъ. Здѣсь то именно ахиллесова пята общины. Крестьянское населеніе размножается, губерніи, которыя считались многоземельными во время реформы, теперь уже обнаруживаютъ всѣ признаки малоземелья. Съ дальнѣйшимъ размноженіемъ населенія и неизбѣжнымъ развитіемъ малоземелья мы вправѣ ожидать равнодушія къ уравнильнымъ передѣламъ и тамъ, гдѣ теперь еще мерещится народническому взору „живая община“.

Во имя чего же отстаивать отжившую форму землевладѣнія, къ которой ближе всего заинтересованная сторона — само крестьянство — относится съ возрастающимъ равнодушіемъ?

Въ основѣ этого упорнаго стремленія сохранить общину лежитъ не убѣжденіе въ преимуществахъ существующей реальной земельной общины передъ подворными владѣніями, а мечта о возможности развитія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ общиннаго земле-владѣнія въ кооперативное общественное хлѣбопашество. Что въ настоящемъ сохраненіе общины наноситъ ущербъ интересамъ бѣднѣйшаго слоя крестьянства, о томъ не можетъ быть спора. Растущее малоземелье гонитъ изъ деревни на отхожіе заработки массу крестьянъ; многіе навсегда порываютъ связь съ родной деревней и селятся въ городѣ. Ихъ земля переходитъ въ пользованіе зажиточныхъ односельцевъ почти безвозмездно, если не считать нѣсколькихъ рублей приплаты сверхъ податей, т. е. фактически происходитъ безвозмездная экспроприация бѣднѣйшихъ членовъ общины въ пользу болѣе зажиточныхъ.

Глядя на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ экспроприруемыхъ, нельзя не признать болѣе желательнымъ предоставленіе имъ права свободно отчуждать свои надѣлы. Это доставило бы значительной части изъ нихъ средства на переселеніе и обзаведеніе самостоятельнымъ хозяйствомъ въ новомъ мѣстѣ и, такимъ образомъ, замедлило бы возрастаніе сельскаго пролетаріата. Отстаивать сохраненіе общины значить въ угоду доктринѣ или утопіи жертвовать реальными интересами бѣднѣйшей части живущаго поколѣнія крестьянъ.

И. Гурвичъ.

Матеріалы для пересмотра законодательства о мірскихъ сборахъ крестьянъ ¹⁾.

Мірскіе сборы, наравнѣ съ казенными и земскими, у государственныхъ крестьянъ въ дореформенное время собирались сборщикомъ, при содѣйствіи сельскаго старосты; обязанный прилагать стараніе, чтобы каждый домохозяинъ своевременно внесъ причитающіеся платежи, сборщикъ понуждалъ напоминаніями, не ожидая наступленія установленныхъ для платежа сроковъ. Онъ долженъ былъ немедленно принять вносимыя плательщикомъ деньги, хотя бы платежъ производился не въ полной суммѣ, показанной по податной тетради, и хранить таковыя въ томъ мѣстѣ и тѣмъ порядкомъ, какъ это определено мірскимъ приговоромъ.

Не измѣнивъ существа этихъ постановленій относительно должности сборщика податей, редакціонныя комиссіи допустили то лишь отступленіе отъ порядка, дѣйствовавшаго у государственныхъ крестьянъ, что обязанности по сбору податей по общему правилу предположено ими возложить на сельскаго старосту, а избраніе особаго сборщика податей предоставлено обществамъ, если они признаютъ это для себя необходимымъ.

Вопросъ о дѣятельности сборщика находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о податномъ счетоводствѣ и отчетности.

Веденіе податного счетоводства и отчетности въ обществахъ государственныхъ крестьянъ въ дореформенное время было предметомъ подробной законодательной регламентаціи. Къ 1 декабря каждаго года палата государственныхъ имуществъ высылала въ сельскія общества податныя тетради и бланки платежныхъ книжекъ для врученія таковыхъ сборщикамъ податей. Послѣ раскладки, сельскій сборщикъ, подъ наблюденіемъ сельскаго старшины, вписывалъ въ податную тетрадь, чрезъ сельскаго писаря, имена домохозяевъ, съ обозначеніемъ слѣдующихъ съ каждаго изъ нихъ платежей. Сбор-

¹⁾ Окончаніе. См. №№ 7 и 8 „Русскаго Экономическаго Обозрѣнія“ за т. г.

